

НА МОСКОВСКОМ МОНЕТНОМ ДВОРЕ

Выгода для одного часто бывает ущербом для другого.

Монтень

Компромисс — хороший зонтик, но плохая крыша.

Боуэлл

Полтора года не был Татищев в России. Но за это время произошли весьма значительные изменения как в расстановке сил при дворе, так и в общих настроениях в господствующих сословиях.

Смерть Петра I привела к неизбежной борьбе при дворе, а борьба помогала выявлять недостатки предшествующего правления. С другой стороны, возникшие проблемы оказались настолько неотложными, что требовалось объединение потенциальных противников для их решения. Уже в 1725 году Меншиков вынужден был признать крайне бедственное положение основных податных сословий. Недоимки в 1724—1725 годах составили одну треть от всей суммы налогов. В этой обстановке 8 февраля 1728 года создается Верховный тайный совет, в который вошли А.Д. Меншиков, Ф.М. Апраксин, П.А. Толстой, Г.И. Головкин, А.И. Остерман, герцог голштинский Карл-Фридрих, а также Д.М. Голицын.

Еще в 1721 году Дмитрий Михайлович Голицын был призван из Киева в Петербург, чтобы возглавить сначала Камер-, а затем (при Петре II) Коммерц-коллегию. Включение его в состав Верховного тайного совета было и признанием его деловых качеств, и выражением стремления ближайшего окружения Екатерины создать действенное и авторитетное правительство. И действительно, на всех крупных экономических мероприятиях правительства в это время так или иначе сказывается влияние Голицына - лучшего в совете знатока финансов и коммерции.

Необходимость серьезного снижения разорительных [123] налогов, конечно, сознавалась всеми членами Верховного тайного совета. Весь 1726 год предлагаются разного рода проекты, в которых изыскиваются пути сокращения государственных расходов или возмещения предполагаемого снижения на одну треть подушного обложения. Но ничего весомого в этом отношении, разумеется, не предлагалось, поскольку значительное сокращение расходов могло быть осуществлено прежде всего за счет резкого сокращения армии. А на это правительству было пойти нелегко хотя бы по престижным соображениям. К тому же простое закрепление результатов Ништадтского мира требовало поддержания вооруженных сил на высоком уровне.

Некоторую экономию могло дать возвращение столицы из Петербурга в Москву, на чем постоянно настаивали Д. М. Голицын и поддерживавшие его собственно «русские» деятели. Эта экономия положительно должна была сказаться на расходах двора и особенно на бюджете дворян, имения которых располагались, как правило, в Подмосковье. Но расходы двора как раз и труднее всего было регламентировать. Лишь задним числом, после смерти Екатерины, новый состав Верховного тайного совета смог осудить чрезмерное расточительство императрицы, тратившей сотни тысяч на свои прихоти, «в то самое время, когда тысячи ее подданных терпели недостаток в насущном хлебе».

Пока же приходилось выбирать, с кого брать: с крестьян или с купцов и промышленников? Меншиков и его сторонники рассчитывали возместить уменьшение поступлений от крестьян повышением налогов на купечество и предпринимателей. Речь в этом случае шла, конечно, не столько о крестьянах, сколько о дворянах, которые постоянно жаловались на чрезмерные государственные подати, не

позволявшие дворянам увеличить собственное обложение их крепостных. Тем не менее в указах Екатерины от 26 января и 9 февраля 1727 года звучат такие мотивы, которые не всегда можно встретить даже у оппозиционных деятелей: «Известно нам учинилось, что нашей империи крестьяне, на которых содержание войска положено, в великой скудости находятца, и от великих податей и непрестанных экзекуций и других неурядков в крайнее и всеконечное разорение приходят».

Поразившая императрицу скудость крестьян не могла, [124] конечно, устраняться за счет сокращения потребления венгерских вин или данцигских устриц (последних Екатерина закупила на 16 тысяч рублей). Поэтому увеличиваются косвенные налоги, непосредственно бившие по карману купечества и мануфактурно-ремесленного населения. Голицын такой путь считал самым неудачным, так как справедливо полагал, что именно торговля и расширение производства обещали значительное увеличение доходов в будущем. Борьба в Верховном тайном совете приводила к постоянному изменению курса в налогообложении. В 1726—1727 годах несколько были ослаблены подати с крестьян и увеличены косвенные налоги. Затем правительство решает, что положение уже «выправилось», и стремится вернуть «недобранный». Напротив, в отношении предпринимательства делаются известные послабления.

Неудачи с попытками выйти из финансового тупика побуждали противоборствующие стороны согласиться с тем временным решением, которое дает инфляция. Правительство Петра I постоянно практиковало выпуск медных денег взамен серебряных. Сначала это была мелочь — полушки и копейки, а затем пошли и пятаки. В последние годы постоянно вставал вопрос о необходимости изъятия из обращения медных пятаков. Однако неизменный дефицит побуждал продолжать их выпуск. И теперь Меншиков, Остерман, Макаров и генерал-поручик Волков подали в ноябре 1726 года записку о покрытии бюджетных расходов за счет выпуска медных денег. Указом 26 января 1727 года «для облегчения крестьян в податях и других нужд» было предписано выпустить на два миллиона рублей медных пятаков.

Уже в Швеции Татищеву пришлось заниматься некоторыми делами, связанными с российским монетным производством, тем более что Монетная контора входила в ведение Берг-коллегии. Но о непосредственном участии его в этом производстве речи пока не было. Да и вообще никто в Петербурге не ожидал его с распростертыми объятиями.

Возвышение Меншикова, сопровождавшее воцарение Екатерины I, привело к отставке Брюса с поста президента Берг-коллегии. Вернулся в коллегию с Урала Михаэлис, усилив и без того значительный круг недоброжелателей Татищева в его непосредственном ведомстве. В коллегии, в сущности, не оставалось никого, в ком [125] Татищев мог надеяться встретить единомышленника. Бесполезно было предлагать что-либо на обсуждение господ коллежских советников. И советники были озабочены лишь тем, как бы им поскорее вытолкать Татищева подальше от столицы. «Птенцы гнезда Петрова» — Меншиков, Апраксин и кабинет-секретарь — охотно присоединялись к этому желанию коллег Татищева. В таких условиях коллегии нетрудно было принять решение о посылке Татищева на Урал под начало Геннина.

О том, что коллегия руководствуется отнюдь не деловыми соображениями, было ясно всем, и в первую очередь, конечно, Татищеву и Геннину. Но в сложившихся обстоятельствах Татищеву не на кого было опереться. Поэтому он оттягивал окончательное решение необходимостью составить обстоятельный отчет о пребывании в Швеции. Попутно он обращается в Сенат с рядом записок и напоминаний о поручениях, возлагавшихся на него Петром I. Он, в частности, попытался воспользоваться тем, что Петр в 1724 году дважды напоминал ему о скорейшей подготовке межевания. В Швеции он приобретал соответствующие книги и знакомился с современной ему практикой межевания и составления карт. Из Швеции

же через посредство Черкасова он пытался заинтересовать этим делом Кабинет Екатерины. Однако его предложение никто даже не рассматривал. Другой проект Татищева касался постройки канала, о чем он писал еще в 1721 году. Теперь, после возвращения из Швеции, он в представлении Екатерине излагает план сооружения водного пути, соединяющего Белое море с реками Каспийского бассейна, а также сухопутного тракта из европейской части России в Сибирь. Татищев прямо намекал на то, что он мог бы осуществить этот план «без обиды обывателей и надмерных расходов». Однако и это его предложение не получило одобрения. Снова напоминал он и о своем проекте 1724 года, предусматривающем передачу рудников и предприятий в компании. К этому времени идея эта все более стала привлекать и Геннина. Сенат также не считал ее слишком смелой. Но дело пока откладывалось до «лучших» времен.

Чиновники из Берг-коллегии с явным раздражением встретили попытки Татищева выйти на более высокий уровень со своими проектами и предложениями. Уже 3 июня 1726 года, то есть менее чем через месяц после возвращения Татищева, коллегия обязала его «бес [126] продолжения времени» представить отчет и ехать в Екатеринбург в распоряжение Геннина. Татищев должен был прямо изложить свои «резоны» против такого заключения. Он это и сделал в специальном доношении в коллегию, которое обсуждалось 31 октября 1726 года. Рассчитывая на полное содействие высокопоставленных недругов Татищева, коллегия приговорила услатить его в Нерчинск, на серебряные заводы, «для доброго установления и произведения» этих крайне запущенных и убыточных предприятий. Очевидно, речь шла о простой ссылке. Так это вполне основательно расценивал и сам Татищев. Поэтому он обращается с челобитной к Екатерине, в которой, перечисляя предшествующие заслуги перед государством, просит определить его «к иному делу».

Остается неясным, кто непосредственно оказал покровительство Татищеву в этот чрезвычайно трудный для него момент. Сама императрица никаких симпатий к нему не испытывала, да и он никогда не обмолвился о ней добрым словом. Но к концу 1726 года Меншиков уже не был всесильным временщиком. У него были довольно натянутые отношения с зятем Екатерины - герцогом голштинским Карлом-Фридрихом. Герцог заменял императрицу в заседаниях Верховного тайного совета и энергично добивался возвращения захваченного Данией герцогства. Екатерина рада была оказать любимому зятю любую помощь. Но другие члены совета, в особенности как раз Меншиков, ограничивались ничего не обещавшим сочувствием. У Меншикова с Карлом-Фридрихом, как у своеобразных соперников, установились и лично неприязненные отношения.

Из последующих событий не видно, чтобы у Татищева были какие-либо связи с Карлом-Фридрихом. Но герцог не мог не знать, что заморские страдания Татищева происходили в значительной мере по его вине. Весьма вероятно, что только он и был в какой-то мере осведомлен о содержании секретного поручения Петра Татищеву.

Другим деятелем, имевшим основание поддержать Татищева, был Д. М. Голицын. Он полностью соглашался с татищевской идеей «увольнения коммерции», то есть освобождения ее от казенной опеки и регламентации. Близки были их взгляды и на собственно русскую старину. А в противодействии немецкому наступлению Голицын занимал и еще более решительные позиции, чем [127] Татищев. Судя по отсылкам Татищева в «Историй Российской», он хорошо был знаком с московской библиотекой Голицына. Это говорит об их тесном общении именно в конце 20-х годов, когда и тот и другой находились в Москве.

В конце 1726 года, по-видимому, не имел особых оснований «добивать» Татищева и Меншиков. В сущности, для него был более неприятен Брюс, нежели Татищев. А Брюса к этому времени уже устранили. Охлаждение же отношений с

императрицей побуждало Меншикова искать контактов со «старорусской» партией, прежде всего с Голицыными, и подготавливать позиции на случай -теперь уже очевидного - прихода на царский трон внука преобразователя — Петра II.

Слишком очевидна была и пристрастность немецких членов Берг-коллегии, стремившихся расправиться с единственным своим сотрудником, способным сделать что-то полезное для развития отечественной промышленности. В условиях коллегиального руководства, а Верховный тайный совет, несомненно, являлся таковым, все-таки гораздо труднее провести откровенно незаконное решение, чем при неограниченном самовластии самодержца. 14 февраля 1727 года Екатерина подписала указ, которым Татищев направлялся на Московский монетный двор.

В 20-е годы рыночная цена меди составляла шесть-восемь рублей за пуд. Пятаки же, которые начали штамповать с 1723 года, делали из расчета сорок рублей из пуда, то есть в пять-шесть раз дороже реальной стоимости меди. Естественно, что эта операция влекла за собой целый ряд отрицательных последствий, причем главное заключалось даже не в инфляции, а в огромном соблазне для фальшивомонетчиков. Но пока правительство не видело иного выхода и обсуждало более способы борьбы с фальшивомонетчиками, чем пути предотвращения самого появления столь прибыльной для ловких проходимцев «специальности».

Для выпуска объявленного в указе от 26 января 1727 года количества монет нужно было пятьдесят тысяч пудов меди (не считая неизбежных отходов). На Урале можно было получить примерно десять тысяч пудов в год. По-прежнему ввозилась медь из-за рубежа, главным образом из Швеции, где годовая добыча составляла шестьдесят-восемьдесят тысяч пудов в год. На один 1727 год [128] купцам сделан был заказ более чем на пятнадцать тысяч пудов привозной меди. Вместе с тем Геннин получил задание изыскать возможности увеличения выплавки меди и облегчить работу монетным дворам, отправляя медь в Москву не в слитках, а формами-кружками для пятикопеечников.

Намеченное мероприятие требовало довольно мощной производственной базы. В России было четыре монетных двора: три в Москве и один в Петербурге. На московских дворах и было решено осуществить чеканку медной монеты. Сюда с большими полномочиями еще в январе 1726 года был направлен А. Я. Волков. Картина, которую он увидел, оказалась вполне в духе того, что было и на других казенных предприятиях, за исключением, может быть, тех, которые находились под неусыпным контролем доверенных от «вышнего» правительства лиц (вроде Геннина). Волкову было «жалостно смотреть», поскольку монетные дворы выглядели «как после неприятельского или пожарного разорения». Указом предписывалось оказывать Волкову содействие со стороны сенатора Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, возглавлявшего Московскую сенатскую контору. К этому делу был подключен также сын сенатора, будущий президент Коммерц-коллегии и соратник Артемия Петровича Волынского Платон Иванович Мусин-Пушкин.

С назначением Татищева первоначально, по-видимому, предполагалось все это дело и передать в его руки. Но работа здесь уже велась. В нее уже включились лица, стоявшие неизмеримо выше по служебной лестнице, и решено было оставить их при этом деле. Указом от 7 марта 1727 года была создана Монетная контора, во главе которой затем был поставлен сам московский губернатор Алексей Львович Плещеев. В состав конторы вошли отец и сын Мусины-Пушкины, а также Татищев. Контора выводилась из подчинения Берг-коллегии и приобретала функции самостоятельной коллегии.

С самого начала у Татищева складывались хорошие деловые отношения с Плещеевым, который ценил и знания Татищева, и его предприимчивость. Труднее были отношения с Мусиными-Пушкиными. Со старшим из графов Татищев сталкивался еще в 1717 году. Во всяком случае, к тому времени относился эпизод, в

котором он позднее противопоставлял коварной лъстивости графа, унижавшего перед Петром царя Алексея Михайловича, [129] мужественную правдивость И.Г. Долгорукого. Не исключено, что какой-то отпечаток оставило и участие Мусина-Пушкина в суде над Татищевым в 1723 году. Так или иначе между Татищевым и обоими Мусиными-Пушкиными постоянно возникали споры и пререкания.

О состоянии монетного дела в России Татищеву пришлось размышлять еще в Швеции. Теперь он, следуя укоренившейся привычке начинать со всестороннего изучения вопроса, выполняя любые поручения, составляет несколько записок. В свое время в письмах из Швеции он уже обращал внимание на один недостаток чеканки русских монет: разный вес монет одного и того же достоинства. Недостаток этот был связан как с несовершенством штамповальной техники, так и с большим разнобоем показаний весов. Последнее было характерно не только для России, но и для европейских стран.

Татищев предлагает начать с упорядочения весов. Он вновь советует перейти на десятичную систему. За основу веса берется куб чистой воды, соответствующий фунту веса. Фунт затем делится на сто золотников, а золотник далее на десять и сто частей. Записка Татищева с рекомендацией введения десятичной системы была представлена в Верховный тайный совет и должна была обсуждаться специальной комиссией. Дело это, однако, отодвинулось, как отмечалось, почти на два столетия.

Вопрос упорядочения весов, дабы «во всем государстве сделать равные», все-таки удалось поставить на практическую почву. Как и в проекте земельного размежевания, Татищев подчеркивал целесообразность такой операции для уменьшения ущерба казне и предотвращения «обид и разорения» частных лиц. Берг-коллегия совместно с Академией наук предлагалось сделать образцы точных гирь — от пудовой до мельчайших подразделений — и разослать по всей стране по таможенным и полицейским управлениям. Проверка точности обеспечивалась взаимопроверяемостью гирь разных размеров. Именно этот принцип в конце XVIII века был испытан и применен во Франции.

В монетной конторе вес гирь был отрегулирован под непосредственным наблюдением Татищева. Учитывая, что гири от времени стираются, он создал специальные образцы, которые употреблялись только для проверки других гирь. Комплекты гирь весом от 1/16 золотника до [130] 20 пудов хранились в особых ящиках. С аналогичными целями использовались в качестве эталонов комплекты гирь в Коммерц- и Камер-коллегиях в Серебряном ряду и в канцелярии Главной артиллерии, куда они были направлены по инициативе Татищева. Десять лет спустя Нартов проверял точность разных наборов гирь. Самыми точными оказались гири Монетной конторы.

Легко подделывать деньги оказывалось возможным главным образом из-за плохого их чекана. Фальшивомонетчики едва ли не удвоили находящееся в обращении количество полушек. Производство же пятаков становилось и вообще непреодолимым соблазном как для отечественных, так и для зарубежных подпольных монетных компаний. Поэтому нужен был такой чекан, который был бы недостижимым для фальшивомонетчиков. Татищев и добивается создания новых штампов из более качественной стали, для чего делаются соответствующие заказы и на Урале и в Швеции. По просьбе Татищева из Петербурга в помощь ему прибыл Андрей Константинович Нартов с группой слесарей. В итоге были изготовлены инструменты гораздо более высокого качества, чем все имевшиеся ранее на русских предприятиях.

Для штампования денег Татищев предложил сделать машины, приводимые в движение водой («вместо людей и лошадей действовать водою»). По наметкам Татищева, это должно было ускорить выпуск монет и значительно уменьшить расходы. Идея Татищева получила одобрение, и самому же ему поручили ее осуществить. Превосходство Татищева над другими членами Монетной конторы вполне признавали и

они сами. Технические усовершенствования, предлагавшиеся Татищевым, его коллеги очень часто не в состоянии были сразу и оценить. Но обычно оказывалось, что зря он ничего не предлагает. Поэтому Волков, уже покидая Москву, советовал членам конторы не противодействовать «предложениям и всяким ученым изобретениям» Татищева, поскольку он «в том деле немалое искусство имеет».

По проекту Татищева на Яузе была построена плотина, энергия которой приводила в действие весь цикл машин одновременно. В итоге производительность монетных дворов резко возросла. Значительно убыстрился процесс изготовления монет и снизилась себестоимость их выпуска. «Водяные машины» Татищева дали казне свыше двадцати тысяч рублей чистой прибыли, не говоря [131] о том, что они позволили уже к осени 1727 года выполнить правительственный заказ.

В итоге Татищев мог быть вполне удовлетворен отношением к его техническим проектам со стороны коллег и правительства, а те, в свою очередь, результатами технических усовершенствований. Но он никак не мог согласиться с самой направленностью экономической политики, проводившейся правительством, признать целесообразным то, чем занимались монетные дворы. Наряду с выпуском облегченных медных денег продолжала осуществляться порча серебряных монет путем снижения их пробы до 70 (против 83 в Голландии, 90 во Франции, 93 в Англии). Татищев полагал, что такая политика расстраивает русскую экономику и подрывает позиции русского купечества на внешних рынках. Порча серебряных и выпуск «легких» медных монет уже привели к тому, что деньги обесценились вдвое: если ранее за ефимок (талер) давали пятьдесят копеек, то теперь более рубля. Угрожающе нарастало количество находящихся в обращении фальшивых монет. Татищев неустанно твердит о пагубности продолжения политики инфляции. Но, как говорится, легко на тигра сесть, трудно с тигра слезть. Чтобы приостановить политику инфляции, требуются весьма серьезные экономические меры.

Екатерина I, конечно, большим государственным умом не обладала. Но на стороне самодержца всегда оказывается сила традиции и авторитет власти. Поэтому когда Екатерина, не выдержав чрезмерности земных благ, в мае 1727 года скончалась, равновесие в правящей группировке сразу нарушилось. Прекратил существование «Кабинет е. и. в.», и вся полнота власти сосредоточилась в Верховном тайном совете. Сторонники русской группировки возвели на престол Петра II — сына царевича Алексея. Это само по себе означало реабилитацию всех ранее обвинявшихся по делу царевича. Вдобавок в рядах «новой знати» произошел раскол. Меншиков предал попутчиков ради обручения своей шестнадцатилетней дочери с двенадцатилетним наследником престола. Эту измену ему не простили вчерашние союзники. Некоторых из них устранил сам Меншиков. По его инициативе, в частности, был сослан в Сибирь член Верховного тайного совета и президент Коммерц-коллегии Петр Андреевич Толстой. Зато другие приложили немало усилий, чтобы, в свою очередь, устранить некогда всесильного временщика. [131] Мальчик Петр II рано проявлял интерес к женскому полу. Но подобранная Меншиковым невеста его явно не заинтересовала. Оборвалась последняя ниточка надежды, и Меншиков, ко всеобщему удовольствию членов Верховного тайного совета, указом нового императора был отправлен в ссылку в Березов.

В итоге в правительственных кругах решительно возросло влияние Д. М. Голицына, а также князей Долгоруких. Среди последних заметно выделялся крупный дипломат и политический деятель Василий Лукич Долгорукий. Новое правительство резко осудило финансовую вакханалию правления Екатерины, впервые в русской истории возложив вину и непосредственно на императрицу. Именно в этих условиях Татищев предложил свой план прекращения инфляции.

Однако, пока в Верховном тайном совете шли разговоры об упорядочении расходов, возникла и стала развиваться другая угроза, мало чем отличавшаяся от предыдущей. Петр II попал под влияние молодого Ивана Алексеевича Долгорукого —

кутилы и авантюриста, и наряду с официальным правительством снова появляется неофициальное придворное, где решаются важные вопросы и подрываются уже принятые постановления правительства. За спиной Ивана Долгорукого поднимаются и некоторые родичи, стремясь занять место Меншикова или просто покормиться за счет казны. Следует, правда, оговориться, что не все Долгорукие поддерживали такой поворот событий. Но интерес к деятельности Верховного тайного совета у них все-таки упал.

Согласно присяге, данной в январе 1727 года, члены Монетной конторы не имели права разглашать секреты монетного производства. Поэтому не обо всех своих соображениях они говорили вслух за пределами конторы. Соответственно и записки могли быть адресованы только тем лицам, которые также имели доступ к соответствующим тайнам. В Монетной конторе постоянно шли обсуждения разных вопросов, связанных как с деятельностью денежных дворов, так и с общей финансовой политикой правительства. В тех случаях, когда члены конторы приходили к согласованному мнению, они обычно делали представление в Верховный тайный совет или же в Кабинет. Так, «с общего совета» было предложено изъять из обращения ранее выпущенную мелкую медную монету, а также завершить начатый еще при Петре вымен [133] серебряных копеек, с тем чтобы перелить их в более крупную серебряную монету. Помимо простого дохода казны, таким образом предполагалось устранить из употребления имевшие широкое хождение фальшивые монеты. Это предложение в целом было поддержано правительством.

Другое предложение членов конторы сводилось к увеличению оборотного капитала предприятия до одного миллиона рублей. К концу царствования Петра такая сумма и реально отложилась на монетных дворах. Но указом Сената от апреля 1726 года она была снижена до 550 тысяч. Между тем увеличение заданий требовало соответственного увеличения и оборотного капитала, необходимого для закупки металла, а также выкупа у населения изымаемой из обращения монеты. Члены конторы решили «явочным» порядком не отпускать с монетных дворов денег без именных указов, пока не накопится миллион. Берг-коллегия и ряд членов Верховного совета с пониманием отнеслись к этой мере, что и сделало возможным проведение ее в жизнь.

Чисто фискальные цели чеканки медной монеты проявились уже в том, что мелкую монету выпускали из расчета сорок рублей на пуд меди. Татищев предлагал делать ее из пуда на двадцать рублей, как это было до 1718 года. Он обосновывал это тем, что большая прибыль становится непреодолимым соблазном для фальшивомонетчиков, каким бы суровым наказанием их ни подвергали. При уменьшении норм прибыли соблазн резко сокращается. Татищева в этом поддерживал Плещеев. Но Мусины-Пушкины были против. Судя по их собственным предложениям, они исходили лишь из того, что сорок больше, чем двадцать.

Устранение Меншикова Татищев воспринял как сигнал к изменению экономического курса. Он пишет ряд писем, в частности обер-секретарю Сената Анисиму Маслову, в которых намекает на предложения, сделанные ранее в Монетной конторе, и готов дать развернутое объяснение, если будет освобожден от присяги, обязывавшей его молчать. Судя по письмам, Татищев сотрудничал с Масловым еще в последние годы жизни Петра, когда обсуждался вопрос об упорядочении финансовой системы страны. Теперь Маслов приобрел большой вес в качестве лица, связывавшего деятельность Верховного совета с Сенатом. Но Монетная контора позволяла быстро восполнить недостаток средств, что побуждало [134] правительство еще раз воспользоваться ее услугами. Поэтому вместо прекращения выпуска облегченных медных денег последовал указ о чеканке пятаков еще на полмиллиона рублей.

Разумеется, не только Татищев понимал, что проводимая политика инфляции пагубна для экономики страны, что перечеканка монеты — это совсем не тот путь, которым можно решать экономические вопросы. Это, безусловно, хорошо понимал Голицын, это понимал новый президент Берг-коллегии Зыбин. Все они действительный выход из положения видели в поощрении предпринимательства и торговли. Но Татищев, пожалуй, настойчивее и последовательнее других был в проведении этого курса, а также в его «научном» обосновании. Именно, исходя из научного понимания задач развития экономики, он и предлагал всеобъемлющую финансовую реформу.

Вопрос упорядочения денежного обращения в стране был, конечно, отнюдь не прост. И дело не только в отсутствии необходимых средств в казне. Необходимо было заменить почти всю действовавшую монетную систему: около тридцати миллионов серебряных и более четырех миллионов медных денег. К тому же в обращение постоянно вводилось все большее количество фальшивых денег, особенно ввозимых из-за рубежа пятикопеечников. Просто выпуск новых монет более высокой пробы серебра или более тяжелых медных повел бы к тому, что предусматривали и члены Монетной конторы: «Если прибавить доброты в серебряных деньгах, то таковых по отдании с денежного двора никогда более не увидим». Особенно Татищева и других членов конторы беспокоило то, что полновесные монеты быстро уплывут за рубеж.

От обесценения денег страдала прежде всего международная торговля России. Цены на иностранные товары резко поднялись. Русские деньги шли по заниженному курсу на иностранных рынках, а в Россию возвращались с их нарицательной стоимостью. Ввоз же фальшивой монеты приводил к тому, что на медь стоимостью в один рубль иностранные купцы приобретали русских товаров на пять-шесть рублей, получая таким образом «великую прибыль» и причиняя «Российскому государству напрасный великий убыток», как отмечала уже в 1730 году вновь учрежденная комиссия о монетном деле. Кроме того, в России по сравнению с европейскими странами [135] сложилось неблагоприятное соотношение цен серебра и золота (13 к 1 вместо 14—15 к 1 в Европе), что способствовало отливу из страны золота.

Упорядочение денежного обращения требовало значительного количества серебра. Но собственной добычи его практически не было: Нерчинские рудники давали всего несколько пудов в год. На закупку же его за рубежом в сколько-нибудь значительных размерах было недостаточно средств. Главным источником поступления серебра всегда служила внешняя торговля, причем не казенная монопольная торговля — довольно маловыгодная, — а частная, с которой и поступали торговые и таможенные пошлины. В итоге получался заколдованный круг: торговля страдала от расстройств денежной системы, а денежную систему трудно было поправить без существенного расширения торговли. Татищев считал целесообразным идти на любые издержки ради расширения торговли. Примерно так же смотрел на этот вопрос и Голицын, немало сделавший практически для поощрения русского купечества. Плоды этой политики отчасти сказались в 1730 году, когда общий объем пошлин составил свыше 1000 пудов серебра (в талерах), что могло дать при перечеканке более полумиллиона рублей. Но такая политика встречала противодействие со стороны дворян и была далеко не безболезненна для различных категорий податного населения, служивших постаментом для будущего процветания страны. Поэтому и проводилась она крайне непоследовательно, и результаты были не всегда очевидными.

К 1730 году обстановка прояснилась в том смысле, что уже нельзя было и далее проводить политику инфляции. Вместе с тем даже робкие меры по оживлению торговли и предпринимательства давали основание полагать, что неизбежные издержки казны и населения довольно скоро окупятся. Специальная комиссия о монетном деле, созданная указом Сената летом 1730 года (уже при Анне Ивановне),

должна была подготовить вопрос о выкупе «легких» денег и замене их новыми. Помимо членов Монетной конторы, в комиссию вошли руководители ряда ведомств, а также представители от дворянства и купечества. Комиссии предстояло решить проблему «без дальнейшего казенного убытка и народной тягости». Но реально речь должна была идти о распределении «убытка» между казной и населением. [136]

Татищев, фактически возглавлявший комиссию, представил на обсуждение записку о том, как «макету российскую удобрить, а нискую истребить». Здесь он в основном повторил ранее высказывавшиеся соображения о необходимости поднятия кредитоспособности русской денежной системы на внешних рынках и предотвращении возможных убытков из-за утечки из страны драгоценных металлов.

На сей раз существенных разногласий между членами комиссии не было. Все признавали, что номинальную стоимость медных денег следует решительно приблизить к действительной стоимости меди. Татищев и поддержавший его Плещеев предлагали выпускать по десять рублей из пуда, а Мусины-Пушкины даже по восемь рублей (вместо прежних сорока).

На первый взгляд Мусины-Пушкины далее шли в искоренении недостатков прошлого времени, нежели Татищев. Но суть заключалась в другом. Мусины-Пушкины, защищая интересы казны, настаивали на своеобразной медной монополии. Предполагалось обязать производителей меди продавать медь в казну по себестоимости, примерно по четыре рубля за пуд. Татищев же был озабочен не только интересами казны, но в не меньшей степени и ростом оборотного капитала промышленников, без чего немислимо было расширение любого производства. Он категорически возражал против навязывания промышленникам явно заниженных цен. Прибавку же казне он надеялся получить за счет некоторого увеличения номинала по сравнению с рыночной ценой. Он ссылался на пример Швеции, где номинал десять рублей за пуд сохранялся при меньшей, чем в России, рыночной цене на медь. Превышение же номинала над рыночной ценой будет в итоге не настолько значительным, чтобы могло заинтересовать фальшивомонетчиков: ради столь малой прибыли мало кто стал бы рисковать.

С точки зрения экономической Татищев считал важным сблизить русскую денежную систему с европейскими, создавав частности, таблицы точных пересчетов, дабы русские купцы не оказались в убытке из-за простого неведения. Снова напоминает он и о целесообразности перехода на десятичный счет. Ему представлялось, что в этом отношении Россия уже имеет некоторое преимущество по сравнению с европейскими странами, поскольку в России такой счет частично уже применялся, тогда [137] как в Европе его нигде не было. Татищев надеялся, что, подав такой пример, Россия хотя бы в этом отношении станет в центре всеевропейского хозяйства.

Включил в свою записку Татищев и предложение об улучшении изготовления медалей. Он видел недостатки в том, что медали отливались без системы, от случая к случаю, без единого плана. Размеры их были различны и негармоничны. Многие важные события медалями не отмечались, другие медали имели невыразительные изображения. В производстве медалей Татищев видел средство прославления выдающихся событий и деятелей, распространения славы о них по всему миру. Как историк, Татищев сам собирал древние медали и надеялся, что новые медали послужат источником будущим историкам, которым доведется воссоздавать отображенное в них время.

Предложения комиссии не были осуществлены. У правительства не хватало для этого средств, а социальные верхи не хотели возлагать на себя сколько-нибудь значительную долю издержек. Но принцип вымена медных монет был утвержден, и постепенно он стал проводиться по разным категориям монет. Так, сразу были выменены полушки и другие монеты до копейки. Что касается пятикопеечников, то здесь пошли иным путем. Периодически изменялся их курс по отношению к другим

видам монет, пока они не приравнялись к двум копейкам. Несколько позднее, в 1731 году, был начат вымен и серебряных монет низкой пробы, которые переплавлялись в 77-ю пробу. Татищев настаивал на более значительном повышении пробы или же увеличении веса новых монет. Сходные предложения выдвигала также комиссия о коммерции, куда стекались разные «мнения» о путях поощрения торговли. Но большинство членов комиссии о монетном деле ограничилось увеличением пробы до 77, и правительство остановилось на этом предложении.

Из Швеции Татищев вернулся с большим запасом новых идей в самых различных областях знания. Служба в Москве, как никогда ранее, способствовала их разработке и проверке в жизни. Правда, единомышленников у Татищева было не слишком много, но в собеседниках недостатка не было. Как дальний родственник, он сохраняет связи с Салтыковыми, один из которых - Семен Андреевич - сменил Плещеева на посту московского губернатора. Постоянно бывал он в доме Алексея [138] Михайловича Черкасского, где собиралось самое разнообразное общество. Дочери князя, в частности, Татищев подарил найденные в Сибири «слоны серебряные два, на которых теремки». Бывает он также в доме камердинера графа Петра Григорьевича Чернышева, с супругой которого поддерживает приятельские отношения.

В 20-е годы Татищев получил возможность познакомиться с уникальной библиотекой Дмитрия Михайловича Голицына. У Голицына Татищев переписал рукопись летописи, которая наряду с полученной на Урале Раскольничьей летописью легла в основу его «Истории». Позднее Татищев отмечал, что «у сего весьма любопытного министра многое число таких древних книг собрано было, из которых при описи (в связи с арестом в 1737 году) растащено, да и после я по описи многих не нашел, но ведал, что лучшие бывший герцог Курляндской и другие растащили». Очевидно, Татищев, завершая в конце 30-х годов «Историю», попытался кое-что уточнить по известным ему рукописям Голицына. Но они уже оказались для него недоступными.

В числе собеседников Татищева в это время были профессора из Академии наук, радетели наук и просвещения Антиох Кантемир и Феофан Прокопович (известный на Западе как Самуил Церейский). На совет к двум последним Татищев чаще всего выносил свои записки общественно-политического плана, а также разделы «Истории». И именно по настоянию Феофана Прокоповича он внес в нее целый ряд изменений, убирая сюжеты, «стропотные для простого народа».

Татищева позднейшие биографы постоянно упрекали в «трудном» характере, нетерпимости к коллегам. Выше приходилось касаться существа этой нетерпимости. И при организации Монетной конторы Волков заметил в письме кабинет-секретарю Макарову: «Сами ведаете о Татищеве, что ему под команду быть не захочетца». Но дело было не столько в характере, сколько в принципах. Традиция ставила на первое место чин и происхождение, а Татищев — знание дела. Многие внешние личные столкновения на самом деле носили глубоко общественный характер. Татищев всегда был нетерпим к религиозному мракобесию, и эта нетерпимость усилилась в связи с бракоразводным процессом 1728 года. Между тем восстановление некоторых традиций допетровской Руси, поощрявшееся верховниками, сопровождалось наступлением [139] религиозных фанатиков. В 1726 году Маркелл Родышевский подал в Преображенскую канцелярию (тайный сыск) донос на Прокоповича, обвиняя его в ереси. Екатерина I поддержала Прокоповича. Но после ее смерти дело возобновилось. Родышевский распускал слухи и о религиозной неблагонадежности Татищева. Татищеву приходилось отступать от некоторых из своих принципов или же так или иначе скрывать их. Он, как правило, шел навстречу предложениям и пожеланиям Феофана Прокоповича и Антиоха Кантемира, хотя, как можно будет увидеть далее, по ряду вопросов расходился с ними довольно значительно. Все это необходимо учитывать, наблюдая известные противоречия в его записках: прежде

чем отправить их «верхам», Татищев обычно обсуждал их в более или менее обширном кругу собеседников и вносил те или иные изменения хотя бы из вежливости: иначе зачем обсуждать?

А писал в московский период Татищев много. Помимо неустанных поисков материалов и непосредственной работы над «Историей», а также рассуждений по финансово-экономическим вопросам, он начал свой главный философский труд — «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ». Готовит он и новую редакцию сочинения о мамонте, рассчитывая опубликовать его в издании Академии наук. Опубликовать этот труд Татищеву, как уже говорилось, не удалось (он вышел в свет лишь в самое недавнее время). Не было напечатано и его разыскание о русских монетах 1664 года, предложенное академии в 1732 году (это сочинение не найдено до сих пор). Татищев, очевидно, догадывался, кто и почему молчаливо тормозит выход в свет его работ: в академии, как и в коллегиях, подвизались немцы. Но выбора у него не было. Он и впоследствии будет неизменно работать для академии, практически ничего не получая взамен.

Между тем в Москве неожиданно вспыхнули события, резко повысившие интерес к истории и ко всем общественно-политическим вопросам. Всех эти события застали врасплох. Никто не сумел сохранить ясности и последовательности в поведении. Налет растерянности лег даже на действия самых сильных и мудрых. Не избежал этого и Татищев, оказавшийся в гуще событий.